

XII
КОНФЕРЕНЦИЯ ПО
ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ,
ЭКОНОМИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА СКАНДИНАВСКИХ
СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

Российская академия наук
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

XII КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ,
ЭКОНОМИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ

Тезисы докладов

МОСКВА 1993

гривной с молоточком Тора, набором из более сотни каменных бус, 12 восточными монетами, бронзовой серьгой "нитранского" типа, многочисленными фрагментами оплавленных серебряных, бронзовых, стеклянных и железных предметов, лепными и круговым поливным сосудами и пр. Обряд порчи оружия, как и большинство типов вещей, достаточно хорошо известны в материалах самого Гнёздова и ряда других памятников в пределах Руси.

Восточные монеты определены как аббасидские, младшая из них чеканена в 865 г. н.э., старшая — на рубеже VIII — начала IX в. Необычно сочетание в одном комплексе раннего типа овалных фибул (37 ЯП), характерного для IX в., и фибулы (или фибул) типа 52—55 ЯП, распространенного не ранее середины X в. Подобные совместные находки на территории Руси не известны, не отмечены они и в Скандинавии. Обращает на себя внимание явное тяготение к относительно ранней дате остальной части инвентаря: серег "нитранского" типа, набора бус, лепной керамики. Однако присутствие среди находок фрагментов позднего типа овалных и равноплечей фибул не позволяет, опираясь на скандинавские аналогии, датировать курган ранее середины X в.

Обряд особого обращения с оружием получил свое отражение в помещении преднамеренно сломанного меча в подкострищную яму, в дно которой был воткнут и жезл. В пределах Руси такое расположение меча — исключительная редкость, как и сам обряд порчи оружия, отмеченный около 30 раз. Как правило, этот обряд встречен в некрополях, имеющих и другие очевидные скандинавские элементы в обряде и инвентаре. В Скандинавии погребения периода викингов со специально согнутыми или сломанными мечами и копьями в отдельных местностях составляют по некоторым подсчетам до 30%.

По своеобразию размещения, а частично и набору инвентаря наиболее близким гнёздовскому является одно из погребений на о. Эланд в могильнике Клинта. Здесь в подкострищную яму вместе с деформированным жезлом положен топор раннего типа (тип С), наряду с аббасидским дирхемом начала IX в. в кургане находились 2 овалные бронзовые

фибулы типа 52—55, что заставило авторов публикаций датировать данный комплекс временем не ранее середины X в.

Рассмотрение гнёздовских материалов позволяет уверенно говорить о постоянных контактах между варягами Руси и обитателями скандинавских территорий, более широких, чем район озера Мелар.

Е. В. Каменецкая

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ ГНЁЗДОВА

На территории Древней Руси известно несколько археологических памятников, где отмечено присутствие скандинавских древностей IX—начала XI в. Сходство этих памятников прослеживается по элементам погребального обряда, типам оружия и украшения, что связано с возникновением этих курганов и поселений на определенном этапе образования Древнерусского государства и становлением крупнейших торговых путей Восточной Европы — Волжского и Днепровского.

Кроме явного сходства таких памятников есть чисто местные особенности, которые менее заметны, но все же в ряде случаев указаны исследователями для каждого конкретного пункта. Сравнение их представляет определенный интерес. Среди массового материала выделяется прежде всего керамика, имеющая наиболее яркие этнические и хронологические признаки. Для примера можно привести керамические комплексы Гнёздова, Тимерева и Шестовиц. В Гнёздове лепная керамика составляет около 10%, в Тимереве картина прямо противоположна, то есть лепные сосуды решительно преобладают. В Шестовицких курганах найдена только круговая посуда, причем совершенно иная, чем основная масса керамического материала Гнёздова и Тимерева. Отличия в керамике этих комплексов очень существенны. Они прослеживаются не только в способе формовки сосудов, но и по характеру теста, типам, орнаментам, клеймам и т.д. Аналогии между отдельными экземплярами сосудов указанных памятников единичны, но тем важнее их

роль для установления взаимосвязей этих регионов.

На фоне керамики, без сомнения, произведенной на месте, резко выделяются единичные сосуды или их фрагменты, отличающиеся от основного керамического материала памятника. Их тесто, формы и пропорции достаточно определены и устойчивы. Такие сосуды свидетельствуют о контактах между достаточно удаленными территориями и позволяют зафиксировать те направления связей, которые не прослеживаются или слабо заметны по другому вещевому материалу.

В Гнёздове керамическая посуда довольно однообразна по формам (преобладают горшки с эсвидным профилем), хотя термин "керамика гнёздовского типа", часто употреблявшийся в археологической литературе, неточен. Новые раскопки и более детальное изучение материала из Гнёздова позволяют говорить о большом количестве типов, видов и вариантов керамики, имеющей аналогии за пределами Верхнего Поднепровья.

Из редких сосудов обращают на себя внимание прежде всего причерноморские амфоры и поливная керамика, происхождение которых не вызывает сомнений. Среди лепной посуды Гнёздова можно назвать сосуд, аналогии которому имеются в скандинавском керамическом материале. Один горшок со скругленным дном увязывается с кругом финских древностей. Есть ребристый лепной сосуд, близкий по форме горшкам из Восточной Литвы и Старой Ладogi. Из круговых форм обращают на себя внимание отдельные экземпляры, находящие аналогии в западнославянском регионе, в керамике поморских славян и небольшая серия сосудов, максимально близкая керамике Киева и Шёстовицы.

Появление нестандартных форм керамики связано скорее всего с экономическими и культурными связями Гнёздова с различными областями Восточной Европы и сопредельных стран. По торговому пути "из варяг в греки" проходили не только скандинавские военные отряды, но и купеческие караваны из разных стран Европы. Наличие такой керамики не свидетельствует об этническом составе населения Гнёздова, а только о включении его в систему многообразных контактов населения Восточной Европы в X веке.

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ ГНЁЗДОВА

Гнёздовские литейные формы вместе с коллекцией украшений, различных инструментов, ювелирных слитков, заготовок и незаконченных предметов позволяют получить информацию о литейной технике, технических приемах и профессиональном уровне ювелиров этого поселения.

Набор формочек состоит из четырех каменных и семи фрагментированных глиняных. Каменные экземпляры предназначались для отливок: нитранского височного кольца (формочка из туфа), различных подвесок (формочки из известняка и сланца). Необходимо отметить, что лишь находка из туфа обожжена. Считается, что каменные формы служили преимущественно для производства восковых моделей и отливок из свинца и свинцовисто-оловянистых сплавов, которые не оставляли следов на камне даже при многократном использовании (Х.Дрешер). Гнёздовские ювелиры действительно применяли отливку легкоплавких сплавов в каменные формы, поскольку среди украшений и заготовок выделяется небольшая группа вещей из свинцовисто-оловянистых сплавов, включающая ювелирные слитки и бракованные изделия.

Примечательно, что на боковой стороне одной из каменных форм для отливки круглой подвески вырезаны три одинаковые розетки. Такие же розетки воспроизведены в металле на маленькой матрице, аналогии которой мы находим в Бирке и других памятниках Швеции эпохи викингов. По мнению И.Янссона, они служили для отливки маленьких накладных шпечек из свинцовисто-оловянистых сплавов на овальные фибулы.

Фрагменты глиняных литейных формочек свидетельствуют о местном производстве скандинавских украшений. Шесть из них служили для отливки овальных фибул и одна для отливки трилистной. Химический и минералогический анализ материала, из которого изготовлены аналогичные формочки из Риббе, Хедебю и Бирки показал, что глина смешивалась с